3. *Зигмундсдоттир А.* Технически подкованная Исландия — онлайн для обсуждения новой конституции [Электронный ресурс]. URL: http://www.usatoday.com/money/world/2011-06-12-Iceland-constitution-online_n.htm (дата обращения: 10.08.2016).

4. Исследование мировых ценностей. 2011 (World Values Survey, 2011) [Электронный ресурс]. URL: http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSAnalizeStudy (дата обращения: 10.08.2016).

5. *Коулман С.* Выборы, при которых голосующие могут отстранять от должности должностное лицо [Электронный ресурс]. URL: http://www.parliament.uk/documents/commons/lib/research/briefings/snpc-05089.pdf (дата обращения: 10.08.2016).

6. Межпарламентский союз. 2011a. База данных PARLINE по Национальным парламентам. 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ipu.org/parline-e/parlinesearch.asp (дата обращения: 10.08.2016).

7. Общество «Хансард». Аудит политического взаимодействия-2010 [Электронный ресурс]. URL: www.hansardsociety.org.uk/blogs/parliament_ (дата обращения: 10.08.2016).

8. Общество «Хансард»: Уроки из зарубежья: Как парламенты по всему миру взаимодействуют с общественностью. 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ipu.org/splz-e/asgp10/UK.pdf (дата обращения: 10.08.2016).

9. *Шадрин А. Е.* Направления и параметры российской административной реформы // Полис. 2003. № 4. С. 59–71.

10. Direct Democracy: The International IDEA Handbook, Stockholm: International IDEA. 2008 [Electronic resource]. URL: http://www.idea.int/resources/analysis/ (accessed: 10.08.2016).

11. World e-Parliament Report — 2010 [Electronic resource]. URL: http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan (accessed: 10.08.2016).

Рукопись поступила в редакцию 20 сентября 2016 г.

УДК 323.1(5-11) + 341.231

А. С. Исаков

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В СТРАНАХ ИСЛАМСКОГО ВОСТОКА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ГЕНЕЗИС

Статья посвящена анализу концептуального генезиса политической модернизации в странах исламского Востока. Исследование базируется на методологии, предполагающей выделение и анализ трех основных форм политической модернизации: турецкой, египетской и иранской. Каждая форма описывается по следующим параметрам: причины возникновения потребности в модернизации, источник политических изменений, основной актор реализации изменений, основные изменения в ходе политической модернизации, долгосрочные последствия данных изменений, современная актуальность и хронологические рамки формы политической модернизации. Автор полагает, что волнения в мусульманском мире, так называемая «арабская весна», стали следствием неэффективности проведения политической модернизации и отсутствия ее четких институциональных моделей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: политическая модернизация, «арабская весна», страны исламского Востока, исламская революция, Турция, Египет, Иран.

Актуальные изменения на Ближнем Востоке ставят ряд академических вопросов о том, каким будет политическое будущее государств региона и как

© Исаков А. С., 2017

изменится политический дискурс в рамках всей исламской уммы. События «арабской весны», череда волнений и революций в мусульманских странах показали неэффективность многих режимов, демонстрируя отсутствие в них способности к динамическим изменениям и адаптации к актуальным вызовам современности.

Нивелирование возникшего кризиса и достижение поступательного развития самого института государства, обеспечение воспроизводства политической системы возможно только при масштабных политических изменениях. Совокупность данных изменений, реализуемая на институциональном уровне и имеющая концептуальный характер, представляет собой политическую модернизацию проектного и антикризисного характера.

Классическое понимание политической модернизации можно свести к следующему определению: политическая модернизация — это «синоним всех прогрессивных социальных изменений, когда общество движется вперед соответственно принятой шкале улучшений» [12, *170*]. В качестве такой шкалы представляется тот исторический путь, который был пройден государствами, достигшими наибольшего благополучия в современном мире.

Подобный универсалистский подход также предполагает, что для ускорения производимых изменений нет необходимости проходить эквивалентный исторический путь выбранной за эталон общественно-политического развития страны, необходимой является институциональная рецепция общепринятых политический ценностей и практик, а также стремление к их освоению социумом. Цивилизационные и культурные различия при этом могут игнорироваться. Так, концепция политической модернизации Самюэля Хантингтона, являющаяся эвристическим фундаментом для универсалистских проектов, предполагает следующие составляющие шкалы улучшений: рационализация власти, дифференциация структур и рост политической активности населения [10, *127*].

Стоит заметить, что именно реализация данных принципов стала источником для революционного движения и привела к дестабилизации региона. На сегодняшний день отсутствуют универсальные подходы и решения, применение которых способствовало бы нормализации политического развития в нестабильном регионе Ближнего Востока. Традиционные догматические институциональные концепции политической модернизации, предлагаемые в качестве идеала общественно-политического развития, не способны удовлетворить утилитарные нужды политических режимов. Это позволяет констатировать концептуальный кризис идей политической модернизации, вынуждающий режимы искать собственные аутентичные модели. Зачастую в результате этого появляются затяжные конфликты, обремененные вооруженным противостоянием. Примерами таких конфликтов могут служить Йемен, Ливия, Ирак, Сирия.

Основным критерием успешной политической трансформации в условиях современности является не имплементация конкретной теории, а адаптация определенного успешного опыта исторического развития. В странах исламского Востока данный исторический опыт также связывается с религиозными практиками, которые являются источником социально-политических изменений и способом их легитимации. Это делает актуальным обращение к исторической

ретроспективе реализации политической модернизации в мусульманском мире — анализ наиболее видных концепций и академическое конструирование общего генезиса политической модернизации. На основании этого можно понять качественное состояние дискурса политической модернизации, содержащего в себе концептуальную аксиологическую основу для любых политических изменений.

Основной интерес представляют концепции политической модернизации, оказавшие влияние на развитие мусульманского мира в долгосрочной перспективе. Их анализ и интерпретация возможны по следующим направлениям: причины возникновения, идейные источники, основные акторы, основные политические изменения, долгосрочные последствия реализации концепции политической модернизации и ее современная актуальность. Компаративный анализ данных показателей у разных исторических моделей политической модернизации приводится в таблице.

Формирование непосредственной потребности в политической модернизации неизменно связано с геополитическими катаклизмами, приводящими к радикальному изменению баланса сил. В случае с исламским Востоком это имело место на рубеже X–XIII вв., а именно в эпоху Крестовых походов. Следствием политической модернизации становится начало затяжной социальной, экономической и культурной деградации, в свою очередь, приводящей к деформации политического пространства. Изменившийся баланс сил привел к окончанию так называемого «золотого века ислама», основными характеристиками которого было культурное, военное и научное превосходство восточной исламской политии, олицетворяемой халифатом и иными значимыми государственными образованиями.

Окончательный упадок и закрепление подчиненного положения происходят при формировании колониальной системы, когда большинство исповедующих ислам народов попали в зависимость от той или иной европейской метрополии. Исключение составила Османская империя, последовательно пытавшаяся занять место в «европейском концерте». Однако после Первой мировой войны возникает риск раздела государства согласно сферам влияния держав-победительниц.

Именно тогда формируется потребность в институциональной концепции политической модернизации, эффективное претворение которой становится критерием выживания государства. До этого также было несколько попыток провести реформы, имевшие цель вернуть исламскому миру конкурентоспособность. Авторами наиболее значимых концепций были ханбалитский теолог Ибн Таймийя и его последователь Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб. Их идеи оказали значимое влияние на исламскую религиозно-политическую мысль, но касались исключительно Аравийского региона и не сформировали универсальных концепций политической модернизации, применимых в качестве идеала общественного развития.

Автором именно такой концепции в Турции стал отец-основатель государства Мустафа Кемаль Ататюрк. Перед ним стояла задача сохранения турецкой государственности, возникшей в результате стимулируемого извне распада Османской империи. Так как страна в военном и экономическом плане проиграла странам

Запада, то их опыт исторического развития был воспринят в качестве трансцендентного идеала. Опыт собственного исторического развития был ревизионистски оценен как несоответствующий вызовам современного мира.

Основные формы политической модернизации в странах исламского Востока

Параметры	Формы политической модернизации		
	Турецкая	Египетская	Иранская
Причины потребности в политической модернизации	Поражение Турции в Первой мировой войне, экономическая отсталость, обострение национального вопроса	Поражение в войне с Израилем (1948–1949), бедность, коррупция, постколониализм	Попытка вестернизации, высокий уровень различия в доходах, репрессии в отношении духовенства
Источник политических изменений	Европейский опыт	Социалистический опыт	Шиитская концепция «велеят-е факих»
Основной актор	Турецкие националисты	Египетская армия	Шиитское духовенство
Основные изменения	Возникновение национального турецкого государства, вестернизация, латинизация языка, секуляризация, экономическая модернизация	Упразднение монархии, национализация крупного капитала (в том числе Суэцкого канала), курс на панарабизм и арабский социализм, экономическая модернизация	Создание Исламской Республики, упразднение монархии, «культурная революция», окончательная национализация нефтяной промышленности
Долгосрочные последствия	Создание европейского государства, светский характер управления, ориентация на вступление в ЕС	Закрепление в статусе регионального лидера, стабилизация политического развития	Создание модели стабильного шиитского государства, закрепление в статусе регионального лидера
Современная актуальность	Низкая (неактуальна после прихода к власти ПСР)	Средняя (актуальна в измененном виде)	Высокая (воспроизводится в Иране, существуют попытки экспорта)
Хронологические рамки	1923–2016	1952 — настоящее время (искл. 1970–1981 и 2011–2014)	1978 — настоящее время

Принципом нового государства стал отказ от монархических теократических традиций государственной власти, являющихся несостоятельными: в 1922 г. был упразднен султанат, в 1924 — халифат. В 1925 г. попали под запрет дервишские

ордена и реализована новая система образования, опиравшаяся на европейские светские традиции. В 1926 г. турецкие женщины получают равные права с мужчинами, что закрепляет принятие новых уголовного и гражданского кодексов, а в 1928 г. проведена реформа турецкого языка, в результате которой перешли с арабской на латинскую письменность, созданную на основе латинского языка, религия была официально отделена от государства. Несмотря на то что данные изменения принято считать секуляризацией, де-факто мусульманское духовенство не было отчуждено от государственной вертикали, оно было в нее интегрировано: муфтии получили статус государственных служащих, а содержание их проповедей согласовывалось с органами государственной власти.

Кроме того, происламские силы не были полностью отстранены от власти, достигнутый в ходе демократических преобразований плюрализм допускал участие умеренных исламистов в политической системе при условии признания ими светского характера государства. «“Турецкая модель” тем самым, представляется синтезом двух на первый взгляд несоотносимых друг с другом явлений — модернизации и секуляризации государства, с одной стороны, и ислама, допущенного благодаря созданной в результате модернизации и либерализации конкурентной политической системы к управлению страной, с другой» [8, *119*].

Показателем особых взаимоотношений государства и религии может служить сам факт возможности прихода к власти в современной Турции происламской Партии справедливости и развития. Также интересной является роль мечетей при попытке военного переворота в 2016 г., когда призывы к гражданам защищать конституционный строй были озвучены с минаретов.

Конкретный анализ турецкой концепции политической модернизации можно представить следующим образом. Для компаративного сравнения модель приведена в таблице.

Основной причиной возникновения потребности в политической модернизации служит необходимость сохранения турецкого государства как суверенного политического актора на международной арене в границах ареала проживания этнических турок. Угроза утраты данного статуса возникла после подписания Северского мирного договора, де-факто подразумевавшего раздел государства. Данное политическое решение стало возможным из-за экономической отсталости и обострения национальных противоречий в самой империи.

Основным источником политических преобразований послужил передовой европейский опыт. Мустафа Кемаль предполагал экстенсивную реализацию вестернистских преобразований, способных в краткий исторический период уменьшить уровень дивергенции между Турцией и странами-лидерами мирового развития. Впоследствии институционально закрепляется вектор на интеграцию государства в европейскую семью, кульминативным выражением чего стала заявка Турции на вступление в ЕС в 1987 г.

Основным актором, способствовавшим воплощению турецкой формы политической модернизации, являлись национально-ориентированные слои турецкого населения, обычно обозначаемые как «кемалисты». Быстрые темпы этногенеза турецкого населения были вызваны кризисом имперской формы османской

государственности, а его политизация имела агональный характер, воспроизводимый за счет противопоставления националистически настроенной молодежи активизировавшимся меньшинствам: грекам, армянам и курдам. Основными целями кемалистов являлись создание национального турецкого государства и его защита. Значимую роль в данном процессе сыграла армия, призванная нивелировать влияние происламских сил, которые потенциально были способны реализовать идеологический откат.

Основными изменениями в рамках турецкой формы политической модернизации являются возникновение Турции как субъекта международного права, масштабная вестернизация, переход языка с арабской вязи на латиницу, секуляризация и модернизация экономики. Попытки кардинально пересмотреть результаты реформ Ататюрка и приоритеты развития страны неоднократно нивелировались в ходе военных переворотов.

Долгосрочные последствия имплементации данной формы политической модернизации заключаются в создании полноценного светского европейского государства, что доказывает его ключевая роль в таких региональных форматах, как ОБСЭ, Совет Европы, НАТО и т. п. Однако неудовлетворенные амбиции по вступлению в ЕС постепенно снизили популярность европейского вектора. На сегодняшний день большее предпочтение отдается аутентичным идеям и концепциям, основой для которых является ислам. «Возросшие амбиции регионального лидерства и уверенность в собственных экономических силах привели к тому, что прежнее обаяние и привлекательность ЕС ощутимо ослабли как в общественном мнении, так и среди политической элиты» [11, *250*].

Таким образом, актуальность данной формы политической модернизации в современном мире является низкой и находится под вопросом. С ее помощью были решены необходимые исторические задачи, современное руководство страны в лице Р. Т. Эрдогана и Партии справедливости и развития бросило вызов устоявшемуся консенсусу политической системы касательно преемственности идеям кемализма: национализму, светскому характеру государства и европейскому вектору развития.

Фундамент взятого на исламизацию курса зиждется на переосмыслении отброшенного Ататюрком исторического опыта Османской империи. За новым политическим курсом, основанным на исторических аналогиях, закрепляется название «неоосманизм». Он предполагает региональное лидерство Турции, основанное на превосходстве в экономическом, социальном и культурном развитии. «Неоосманизм представляет собой неофициальную внешнеполитическую доктрину Турции по расширению сферы влияния на сопредельные территории посредством “мягкой силы”, за счет экономики, гуманитарного воздействия и наднационального духа» [1, *74*]. Использование османского наследия для продвижения страны на международной арене подтверждается самими турецкими исследователями [13, *25–44*]. В основном этот процесс затрагивает тюркские страны, имея в перспективе арабскую ойкумену. «Внешне сложившаяся в Турции ситуация достаточно привлекательна для арабских исламистов, которые склонны видеть в Анкаре “модель” для своего развития» [8, *130*].

При этом демократические традиции обусловливают существование концептуального плюрализма и в отношении того, каким должен быть политический ислам. Единая ранее идеологическая платформа на сегодняшний день разделилась между внутренними концепциями, продвигаемыми самим Эрдоганом и Ахметом Давутоглу, и внешней альтернативой в лице идеолога турецкого гуманитарного воздействия Фетхуллаха Гюлена. Если для правящей элиты ислам является способом решения утилитарных проблем внешней политики, экономики и консолидации политической элиты, то для Гюлена и его последователей религия — главный инструмент преображения турецкого государства и его превращения в новую Османскую империю, колыбель тюркизма и ислама; также «в отличие от сторонника президентской республики Эрдогана Гюлен является сторонником теократии иранского типа» [5, *74*].

Расхождение вариантов реконцептуализации современного политического развития Турции вкупе с повышением авторитета и популярности Гюлена позволили Эрдогану объявить его виновником неудавшегося военного переворота в июле 2016 г. Основным результатом попытки переворота является увеличение власти и популярности президента, осуществляющего реставрацию османского наследия. Это позволяет сделать вывод о том, что историческая турецкая форма политической модернизации, разработанная и воплощенная Ататюрком, более не существует.

В разное время такие государства, как Алжир, Тунис, Египет, Марокко, Иордания, Иран и др., производили реформы, руководствуясь турецким опытом. Данный вариант политической модернизации может также иметь насильственный характер, что происходит при включении страны-реципиента в сферу влияния одной из мировых держав или в процессе прямой военной интервенции с ее стороны.

Историческая альтернатива апробированной в Турции вестернизации как универсума политического развития мусульманской страны появилась вследствие эскалации холодной войны и интенсификации советского присутствия в Ближневосточном регионе. Для создания прочных политических связей с социалистическим блоком представлялась необходимой экстраполяция моделей политического развития, аффилированных с СССР.

Идейной основой такой экстраполяции служит переосмысление религиозной идеи абсолютной справедливости на предмет ее концептуального созвучия с теорией социализма. Кроме того, ориентация на советский блок потенциально могла позволить арабским странам достигнуть высококотируемого уровня социально-политического развития, не прибегая к интеграции с западными странами, экспансия со стороны которых традиционно рассматривается как основная причина упадка.

Первый опыт социалистических преобразований относят к 1956 г., когда президентом Египта Гамаль Абдель Насером была проведена национализация Суэцкого канала и провозглашены некоторые принципы социализма. Несмотря на то что основной причиной формирования вектора на просоветскую ориентацию являлись политические мотивы, необходимость защиты государства от англо-французской экспансии, в стране существовал запрос на закрепление нового институционального вектора развития, на политическую модернизацию.

Египетская форма политической модернизации концептуально предполагала ограничение личностных прав с акцентом на особой роли социума как гаранта сохранения истинно религиозной гегемонии и саморегулирования, обеспечивающего сохранение единства уммы. Вера здесь выступает гарантом социальной справедливости, что является фундаментальной основой социально-политической доктрины ислама. «Иными словами, ислам служил идеологическим подкреплением проводимых реформ, а не фундаментом для преобразования народного хозяйства той или иной страны в соответствии с принципами шариата. Во многом это был осознанный выбор: просоветски настроенные лидеры арабских государств меньше всего хотели исламизации как в экономике, так и в других сферах общественных отношений» [3, *16*].

Тематический репертуар социальных, политических и экономических преобразований был выбран соответствующий [9, *412*]. В стране были ликвидированы крупная сельскохозяйственная собственность, крупный капитал, возросла доля мелкой собственности. И если ранее основной капитал был ориентирован на внешние страны, то выкристаллизованная Насером прослойка мелких собственников была абсолютно национально ориентированной. Кроме того, возросла политическая роль работников сельского хозяйства, им предоставили возможности создавать различные объединения. Увеличились роль кооперативов и участие рабочих в управлении компаниями. Законодательно закрепилось право на всеобщее бесплатное образование, в идеологическом пространстве велась антиколониальная пропаганда, направленная на дискредитацию эксплуататоров.

Общий масштаб конъюнктурных изменений не привел к тотальному переформатированию государства, но установил для его развития новые цели, а за общей концепцией закрепилось наименование «арабский социализм». Модернистская составляющая арабского социализма предполагала рецепцию положений материнской советской модели общественно-политического развития, за исключением необходимости атеизма. Религия в мусульманском обществе традиционно играла значимую роль, и без апелляции к канонам ислама воплощение политических изменений представлялось невозможным. При этом отмечается, что «единой экономической концепции арабские социалисты так и не выработали. Понятие “арабский социализм” могло включать в себя разного рода экономические теории: от научного социализма (минус диалектический материализм) до концепций, основанных на идеях социалистов-утопистов. Как правило, ислам здесь служил лишь способом легитимации этих теорий» [3, *15*].

Особый акцент делался также на национальной повестке. Если в СССР была предпринята попытка создания новой советской культуры, то национальная составляющая в Египте была выдвинута на передний план. Это привело к неоднократным попыткам объединения нескольких стран, Египта и Сирии, Египта и Ливии, с последующим созданием Объединенной Арабской Республики. Таким образом, «идея арабского социализма была основана на национализме и стала своего рода наследницей идеи панарабизма» [2, *182*].

Конкретный анализ египетской формы политической модернизации может быть представлен следующим образом.

Основной причиной появления потребности в политической модернизации в Египте служит его поражение в войне с Израилем 1948–1949 гг. Оно усугублялось социально-экономическим состоянием страны — коррупцией и крайне высоким уровнем бедности, особенно в среде сельского населения — феллахов. В экономическом плане катализатором выступило нарастание постколониальной экспансии со стороны английского и французского капитала, в особенности контроль за главной транспортной артерией страны — Суэцким каналом.

Основным источником изменений послужил передовой опыт развития социалистических стран. Однако, несмотря на концептуальную близость, говорить о полной рецепции и преобразовании Египта по советскому образцу не приходится: данная форма модернизации отличалась высоким уровнем автохтонных черт, основной из которых являлся акцент на религии и национализм.

Важнейшим актором реализации египетской формы политической модернизации является армия, в частности, средний командный состав, идеологически объединенный в группу «Свободные офицеры». Этим же объясняется стремление к экстенсивной модернизации вооруженных сил как приоритет развития государства с последующим реваншем в отношениях с Государством Израиль.

Основные изменения заключаются в упразднении монархии и провозглашении республики, в том числе с попытками создания ирредентистских проектов вроде Объединенной Арабской Республики, национализации крупных капиталов и изменения социально-экономической структуры населения. Проводимые реформы способствовали появлению мелких собственников и их дальнейшей коллективизации, также характерны высокий уровень урбанизации и частичное стирание классовых различий. Экономическая повестка включала в себя экстенсивную индустриализацию.

Долгосрочные последствия имплементации данной формы политической модернизации заключаются в закреплении за Египтом статуса регионального лидера и образовании им собственного лимитрофа из ориентированных на социализм мусульманских стран. Также претворение политической модернизации позволило сформировать стабильный политический режим, способный к динамичному воспроизведению собственных качественных характеристик.

Актуальность египетской формы политической модернизации в современном мире может быть оценена как средняя. Попытки переосмыслить опыт реформ Гамаль Абдель Насера были предприняты его преемником Анваром Садатом. Курс нового президента и его однозначная ориентация на страны Запада не были популярны среди населения, что привело к его убийству в 1981 г. Пришедший после этого к власти Хосни Мубарак отчасти продолжил насеровский курс, однако избегал излишнего сближения с советским лагерем, а после распада СССР провел в Египте множество качественных реформ, при том что главной проблемой страны и ее модернизации стал религиозный фундаментализм, приведший к кризису и окончательному упразднению данной формы в ходе событий «арабской весны».

Нынешний президент Абдул-Фаттах Ас-Сиси условно может считаться преемником Мубарака и насеровских идеалов. Тем не менее окончательную характеристику его политического курса не позволяет дать вынужденный акцент

на сохранении государства и противодействии религиозному экстремизму, появление и популяризация которого отчасти являются побочным эффектом данной формы модернизации. «Панарабизм... суживал сферу действия исламской исключительности и "исторической миссии ислама" рамками арабского региона. Но, являясь разновидностью "укрупненного" национализма, враждебно был встречен панисламистами» [4, *11*]. Структурная декомпозиция данной формы политической модернизации в компаративных целях также представлена в таблице.

На сегодняшний день можно констатировать, что былой статус безусловного регионального лидера Египтом был утрачен, вакантную сферу влияния последовательно пытаются занять Саудовская Аравия и Турция, а в сфере взаимодействия с шиитскими общинами — Иран. Проекты социалистических преобразований, основой для которых послужил египетский опыт, в разное время проводились в Ливии, Алжире, Южном Йемене, Ираке, Египте, Сирии. Также отдельные черты именно египетской модели лежали в основе политической модернизации в Сомали [3, *16*] во время правления Сиада Барре (1969–1991), результатом чего стал фактический распад государства.

Условия биполярного мира ключевым образом повлияли на формирование постколониальной исламской идентичности и основные векторы политического развития стран исламской восточной политии. Однако турецкая форма политической модернизации, имевшая своим источником вестернизацию, стала восприниматься многими мусульманскими обществами как деструктивная для религиозных ценностей. Предложенная Египтом социалистическая альтернатива лишь усугубила противоречия между региональным национализмом и панисламистским представлением о мироустройстве. Наличие подобного противоречия обусловливает возникновение внутрисистемного аутентичного варианта модернизации. Данный вариант заключается в институционализации политического ислама и придании его идеям концептуального характера.

Подобная форма предполагает противопоставление исламизма капиталистическим и социалистическим ценностям, разрушающим традиционное мусульманское общество. Политическим реципиентом новой формы становится Иран, управляемый династией Пехлеви.

Правитель государства в 1925–1941 гг. Реза-шах был однозначным поклонником реформ Мустафы Кемаля, согласно социально-политическим взглядам которого проводилась политическая модернизация Ирана. Преемственность этих идей сохранил его сын Мохаммед Реза Пехлеви, правивший в 1941–1979 гг.; его реформы коснулись принципов землевладения, в Иране установился автократический режим, в стране осуществлялась пропаганда европейской культуры и ценностей. Проводимый им государственный курс не соответствовал нормам ислама и игнорировал позицию шиитского духовенства, имевшего значимый авторитет среди населения. При этом возраставшее недовольство населения сдерживалось репрессивным аппаратом.

Соразмерно росту напряжения в обществе набирали силу и исламистские силы, побудившие народ на свержение власти в 1978 г. Неформальными лидерами протеста стали видные представители муджтахидов — верхушки шиитского

духовенства. «Главной причиной антишахской революции стало единство самых разных социальных сил, в колоссальной степени пострадавших от модернизации в аграрном секторе и на какое-то время сплотившихся вокруг духовенства» [6, *85*].

Исламская революция — следствие неудач в управлении государством и неэффективной экономической политики. Возможность для возникновения собственной исламской формы политической модернизации обусловлена отказом учитывать культурные особенности проживающих в Иране мусульман при проведении политических реформ.

Следствием революции стало формирование новой модернистской альтернативы, основой которой служит аутентичный опыт развития исламской уммы. Были полностью упразднены принципы светского государства. Произошло полномасштабное прекращение вестернизации, спровоцировавшее рост фундаментализма. Авангардом новой общественной системы стало исламское духовенство, лидером которого был Рухолла Мусави Хомейни. Первостепенным направлением политики преобразований иранской формы модернизации становится создание качественно новой политической системы и вертикали государственного управления, основанных на религиозном каноне шиитского направления в исламе.

Главенствующую роль в новой системе получает Рахбар, верховный глава Ирана — факих, учитель, опекающий народ. Светскую власть представляют президент, премьер-министр и парламент — меджлис. Подчеркивается теократичный характер самого государства, а значит, позиции светских властей вторичны и находятся в подчиненном положении. Такое «правление является политическим идеалом нации единоверцев и единомышленников, в котором целомудренные имамы выносят фетвы исполнения исламских установлений» [7, *199*].

Поскольку основным инструментом легитимации политической власти в шиитском исламе является наследственность Пророку, была выстроена уникальная система легитимации политических институтов, основанная на идее, что до появления его наследника, «имама века» или «сокрытого имама», управление государством должно осуществляться высшим духовенством. Данная концепция была разработана и предложена в качестве идеологического фундамента созданной после революции 1978–1979 гг. Исламской Республики великим аятоллой Рухоллой Хомейни и получила название «велаят-е факих». В свою очередь, эта концепция является переосмыслением применяемого в шиитском обществе одноименного исламского принципа, предполагающего передачу под опеку духовенства наименее социально защищенных слоев населения. «В большей части шиитской истории Ирана “велаят-е факих” легализовывал временную опеку представителей духовенства над ограниченной частью населения: больными, сиротами и другими социально уязвимыми членами общества, незащищенными государством» [14, *27*].

Таким образом, сложившаяся система предполагает, что управленческие функции осуществляются республиканскими институтами, а духовенство определяет основные векторы социально-политического развития. Иным значимым наследием исламской революции стало возрастание политической активности

населения, за счет которой обеспечивается легитимность харизматического и рационально-легального порядка всем политическим институтам. Такая система управления резко отличается от соответствующих политических механизмов в суннитских странах, где существует историческая возможность использования иных механизмов управления, заложенных традициями и инициируемых электоральными процедурами.

Конкретный анализ иранской формы политической модернизации может быть представлен следующим образом.

Основными причинами возникновения потребности в политической модернизации в Иране послужила попытка всесторонней вестернизации, в том числе секуляризации, традиционного шиитского общества. Ситуацию в обществе усугубляла неблагоприятная экономическая обстановка: высокий уровень различия доходов, бедность. Наиболее доходные отрасли промышленности, такие как нефтедобыча, являлись собственностью иностранных компаний. В отношении агрегирующих народное недовольство представителей духовенства применялись репрессии, что также способствовало радикализации протестных настроений.

Основным источником изменений послужил аутентичный исламский опыт, представленный в виде переосмысления шиитской концепции «велеят-е факих». В большей степени данное действие имело реакционный характер и идеологически противопоставлялось влиянию как США, так и СССР, а значит, как турецкой, так и египетской формам политической модернизации.

Основным актором реализации иранской формы выступило шиитское духовенство. Его представители заняли все ведущие управленческие посты, а от первоначальной попытки союза со светскими силами, в послереволюционный период представленными первым президентом Исламской Республики Иран Абольхасаном Банисадром, впоследствии отказались, а ему самому пришлось покинуть страну.

Основные изменения заключались в упразднении монархической формы правления и создании Исламской Республики, предполагавшей принципиально новую структуру управления страной. За политическими изменениями последовали преобразования также в экономической и социальной сферах: проведение окончательной национализации нефтяной и других значимых областей промышленности, сочетание рыночных и плановых методов ведения экономической деятельности в зависимости от региональных особенностей, системные социальные изменения, получившие название «культурная революция», имевшие цель нивелировать культурное влияние Запада и пропаганду традиционных мусульманских ценностей.

Долгосрочные последствия имплементации данной формы политической модернизации заключаются в создании функционирующей модели Исламской Республики. Это позволило сформировать работающий механизм передачи политической власти, а также обеспечить реализацию внутреннего потенциала развития страны. Это вывело Иран на позицию регионального лидера, способного противостоять наиболее влиятельным странам, а также противостоять Саудовской

Аравии и Турции, наращивая свою сферу влияния среди шиитских общин в суннитских государствах.

Актуальность данной формы политической модернизации в современном мире может быть оценена как высокая. Это доказывает крайняя жизнеспособность Исламской Республики как таковой. Несмотря на то что попытки экспортировать иранский опыт не увенчались успехом, его гуманитарное воздействие прослеживается во многих странах исламского мира: в Сирии, Пакистане, Афганистане, Бахрейне, Азербайджане, Ираке, Саудовской Аравии, а в Йемене и Ливане существуют влиятельные политические силы, выступающие за полноценную рецепцию иранской формы политической модернизации. Компаративный анализ данной формы также представлен в таблице и соотнесен с турецкой и египетской формами.

Современный политический ландшафт Исламской Республики характеризуется высоким уровнем плюрализма. Поскольку в стране отсутствует традиционная партийная система, данный плюрализм локализуется в ряде внутренних политических фракций, агрегирующих идеи определенных социальных групп. Данные фракции являются неформальными, но тем не менее имеют высокий уровень внутренней организации и собственных лидеров. Это позволяет режиму сохранять высокий уровень адаптивности.

Наличие перспективных проектов экспорта, представляемых повесткой ливанской группировки «Хезболлах» и йеменской «Ансар Алла», вкупе с возрастающим влиянием и уровнем развития Ирана обеспечивает данной форме политической модернизации высокий уровень поддержки — как внутренний, так и зарубежный.

Нынешний президент Исламской Республики Хасан Роухани отказался от предшествующей показательной конфронтации с западными странами и делает акцент на сотрудничество. Следствием этого стало снятие большинства международных экономических санкций, а также укрепление позиций страны в качестве необходимого партнера по диалогу в урегулировании вооруженных конфликтов в Ираке и Сирии. Также после начала российской военной операции в регионе Иран является ключевым партнером РФ.

Рассмотренные три формы — турецкая, египетская и иранская — составляют концептуальный генезис политической модернизации в странах исламского Востока. Любые современные концепции, формы и модели модернизации имеют гибридный характер и, как правило, основываются на опыте рассмотренных в статье стран. Выбор конкретного вектора политического развития обычно происходит под влиянием политических факторов.

Общей константой политического развития и политической модернизации как проектного формата является попытка реализации присущей мусульманской умме идеи об абсолютной справедливости. Актуальность данной идеи и необходимость ее реализации на институциональном уровне обусловлена усугублением социально-экономического положения мусульман в мире.

Возникновение на данной почве религиозного экстремизма является абсолютизацией потребности в абсолютной справедливости и носит кризисный характер. Кризис вызван отсутствием относительно универсальной концепции, потенциальная реализация которой в институциональном векторе политического развития

была бы способна эффективно интегрировать мусульманское государство в международную систему и улучшить социально-экономическое положение его граждан.

Отсюда следует, что истоки религиозного экстремизма и террора, как его максимального проявления, лежат в области проблемы обеспечения благополучия мусульманской уммы. Террор не направлен против каких-либо конкретных государств или стран Запада в целом, он является способом решения политических задач и своей конечной целью имеет изменение баланса сил в мировом масштабе.

Единственным способом профилактики использования религии в политических целях являются светские концепции модернизации. Появление концепций такого рода возможно в результате сочетания заинтересованности внешних акторов и актуализации внутреннего потенциала стран исламского Востока. В данной же ситуации единственным ответом на рост социального неблагополучия является обращение к аутентичным механизмам мобилизации социума — религии и создание модернистских проектов на ее основе.

---

1. *Аватков В. А.* Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная Мысль. 2014. № 3(1645).

2. *Аллахкулиев М. Г.* Арабский социализм в контексте современной социально-политической ситуации в Египте // Власть. 2013. № 1.

3. *Беккин Р. И.* Исламские теории социально-экономического развития в мусульманском мире: сходства и различия // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. 2012. Сер. 5, № 4.

4. *Жданов Н. В.* Исламская концепция миропорядка. М., 2003.

5. *Замов Э. А.* Два пути политической мысли современной Турции // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2016. № 1(149).

6. *Малашенко А. В.* Исламская альтернатива и исламский проект. М., 2006.

7. *Манучихри А.* Политическая система Ирана. СПб., 2007.

8. *Сергеев В. М., Саруханян С. Н.* Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны) // Ежегодник ИМИ. 2013. № 1(3).

9. *Фаязова С. С.* Сравнительный анализ социально-политических процессов в Египте и Марокко в контексте демократизации // Личность. Культура. Общество. 2006. № 4–6(44–45).

10. *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.

11. *Шлыков П. В.* Национальная модель демократии и гражданского общества в Турции: динамика и основные детерминанты // Нации и национализм на мусульманском Востоке / под ред. В. Я. Белокреницкого, Н. Ю. Ульченко. М., 2015.

12. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996.

13. *Çelenk A. A.* Public Diplomacy and Foreign Policy Making: The Turkish Case // International Journal of Turcologia. 2015. № 10.

14. *Nader A., Thaler D. E.* The Next Supreme Leader: Succession in the Islamic Republic of Iran. Santa Monica, 2011.

Рукопись поступила в редакцию 24 ноября 2016 г.